

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 7

1983

Николай ФЛЕРОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ЧЕРЕМУХА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 7

Николай ФЛЕРОВ

ЧЕРЕМУХА

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1983

Николай ФЛЕРОВ

Николай Григорьевич Флёрв родился в 1913 году в Москве. Первое стихотворение за подписью «Пионер Н. Флёрв» появилось в детском московском журнале «Искорка» в феврале 1926 года. С 1931 года начал работать на заводе «Серп и молот» и участвовать в занятиях литературного кружка «Вальцовка», которым впоследствии руководил. В 1935 году был призван в Военно-Морской Флот. Служил краснофлотцем на легендарном линкоре «Октябрьская революция». В годы Великой Отечественной войны морской офицер Николай Флёрв — военный корреспондент, сотрудник газеты «Краснофлотец» на Северном флоте. После Великой Отечественной — на Тихоокеанском флоте. Здесь вышла первая его книга «Стихи о Тихом океане».

С той поры издано более двадцати книг стихов, поэм, песен и очерков, в том числе повесть «Море и жизнь» (Воениздат, 1977 год). Наиболее известные: «По сиям волнам океана» («Советский писатель», 1955 год), «Четыре ветра» (Воениздат, 1960 год), «Звездопад» («Московский рабочий», 1966 год), «Купавна» («Советская Россия», 1973 год), «Избранные стихи» («Художественная литература», 1975 год), «Четыре книги жизни» («Современник», 1978 год). Николай Флёрв известен как автор антологической «Баллады о матросской матери», песен «Бушлат», «Синеглазая морячка», «Морская лирическая», «Вьется речка Серебрянка», «Что шумишь ты, Студеное море», «Слава флоту», «Трудовая молодежная» и др.

Член КПСС с 1943 года. Член СП СССР с 1947 года.

СЛОВО О СОВРЕМЕННОСТИ

Не понимая полной ценности
Того, что жизнь нам всем дала,
Мне снобы лгут о современности,
Закусывая удила;

Мол, это что за траектория —
От дней Октябрьских и до нас?
Дай современность, а история —
Да мы ее творим сейчас!..

Что скажешь барду самомнения?
Ему полвека — трын-трава.
Мне ненавистен от рождения
Такой «не помнящий родства».

И я исток движенья быстрого
Ищу лишь только потому,
Что без аврововского выстрела
Я современность не приму.

Она была бы обесценена,
Явилась будто как-то вдруг,
Когда б не видели мы Ленина
Во всем, что видим мы вокруг;

Не помнили бы, как мальчишками
За пятилетки шли в бой
И лучшими считали книжками
Тогда «Ударные» свои.

И пусть юнец в пылу воинственном
Кричит, что мы-де без причин
Крестили именем единственным
Любой успех, любой почин;

Ну что ж, искать ли «виноватого»?
Ведь с тем же именем опять
Пришли мы в мае сорок пятого,
Чтоб над рейхстагом флаг поднять.

И не накинуться с уловками,
Что наш герой в бою, в дыму, —
Да, и без тех, кто шел с винтовками,
Я современность не приму.

Могилы павших не безмолвствуют,
И раны ратных лет болят,
А на границах вахты бодрствуют,
И мир был нами с боем взят.

Один в нас дух — кто пал, кто выстоял,
Фундамент клал и поднял трал,
Брал целину и реки приступом,
И космос брал, и Зимний брал.

Полвека между теми датами,
Но на геройские дела
И пахарями, и солдатами,
И космонавтами крылатыми
Одна нас партия вела.
И в мире нет ценнее ценности,
И путь к высотам новым — с ней.

Вот в чем понятие современности
Идущих в коммунизм людей.

БАЛЛАДА О ФЛОТСКОМ СВЕТИЛЬНИКЕ

Взлетали вихри ветра вольного,
Густел накал Октябрьских гроз.
В одном из коридоров Смольного
Стоял с винтовкою матрос.

А рядом, за перегородкою,
Ильич — он в эту ночь не спал, —
Не отрываясь, в строчку четкую,
Декреты первые писал.

Еще сверкали в окнах Зимнего
Хрустальных тонких люстр огни.
Министрам думалось: незыблемо
В России властвуют они.

Но к людям шел уже сияющий
В том слове редкостном
Декрет,
Неодолимый, побеждающий,
Всей партией зажженный свет.

Он проникал за окна Смольного,
И окрылял, и волновал,
Он для народа подневольного
К борьбе дороги озарял.

Как неоткрытое явление,
Как ненаписанный закон,
Всей силой перевоплощения
Победой становился он.

Ильич писал.
И с каждой строчкою
Слабели, пятились враги.
И мир притихший слышал точные
Революционные шаги.

Но вдруг погасло электричество,
И Смольный весь окутал мрак,
И строки, полные величия,
Остановили твердый шаг.

И в это краткое мгновение
Как будто замерла страна:
Ведь для людей в тех строчках Ленина
Вся жизнь была заключена.

Он встал, на ощупь и по памяти
Прошел к дверям, открыл слегка,
Спросил: «Вы свечку не достанете?» —
У часового, моряка.

«Уже, товарищ Ленин, делаем,
Готовим флотский огонек...»
Во тьме дрожало пламя белое,
Матрос кричал:
«Скорей, браток!...»

«Готово!»

И моряк прославленный
В те дни боев, смятений, гроз,
Фитиль горящий, в гильзу вставленный,—
Светильник в кабинет принес.

Кругом качались тени странные,
Как пляшущие тополя.
Матрос увидел долгожданные
Два эти слова:
«Мир», «Земля».

Глядел моряк на свет мигающий
И слышал, как Ильич вдали
Сказал:
«Спасибо вам, товарищи,
Ведь вы мне время сберегли...»

И мысли прерванной течение
Он, сев за стол, занес в строку.
И это было в то мгновение
Сигналом сводному полку.

И набирала ритм рассчитанный
Неустающая рука.
И новый день вставал невиданный
Под свет морского фитилька.

И Зимний пал.
Борцы свободные
Увидели, как вещий свет,
Как слово правды всенародное,
О мире и земле Декрет.

И потому с тех пор, наверное,
Ведя от ночи этой нить,
Мы знаем наше дело первое:
И мир
И землю
Нам хранить!

ДЕРЕВЬЯ НА ГРАНИТЕ

Как растут деревья на граните?
Видно, так,
Как я заметить мог:

Поначалу слабенские нити
Кое-как протягивают в мох;

А потом корнями,
Что руками,
Словно за песчинку ухватясь,
Посильней впиваться станут в камень,
В маленьких расщелинках змеясь.

То более тяжело месяцами,
То как будто оживая вновь,
Впитывает дерево корнями
Заполярных скал
Тугую кровь.

И уж если все-таки не сдало,
Выстояло, выросло оно,
Значит, как гранит крепчайший стало,
Значит, точно в целое одно
Слились корни с камнем,
Как не сварить
На огне податливый металл.

Не с того ль и крепок ты, товарищ,
Что живешь у заполярных скал?

БУШЛАТ

От южных скал до крепостей Кронштадта,
До заполярной северной земли
Мы в бескозырках и в морских бушлатах
Дорогой легендарною прошли.
И с той поры, с тех памятных походов
Я в море дальнем и на берегу,
Как боевую славу мореходов,
Тебя, бушлат любимый, берегу.

Поговорим с тобой наедине...
Ты был со мной в бою — в дыму, в огне.
Ты видел Севастополь,
Ты знаешь Ленинград,
Мой славный морской бушлат.

Я помню день: декабрьского пургою
В бой за Москву шагал морской отряд.

Я ранен был. И в этот час тобою
Меня укрыли, дорогой бушлат.
И сразу мне теплей и легче стало.
Я сквозь дремоту пушек слышал гром.
И нам с тобою сердце подсказало,
Что всё вперед, на запад мы идем.

Поговорим с тобой наедине...
Ты был со мной в бою — в дыму, в огне.
Ты видел Севастополь,
Ты знаешь Ленинград,
Мой славный морской бушлат.

Когда-нибудь военные метели
Утихнут над волной и над землей.
Почистим мы бушлаты и шинели,
На праздник выйдем дружною семьей.
Дойду и я до гавани далекой,
Где долго ждали и жена и мать,
И лишь тогда подруге кареюкой
С усталых плеч тебя позволю снять.

Поговорим с тобой наедине...
Ты был со мной в бою — в дыму, в огне.
Ты видел Севастополь,
Ты знаешь Ленинград,
Мой славный морской бушлат.

СОЛЬВЕЙГ

Да, я это видел своими глазами:
Холодное солнце, обугленный лес.
Под отблеском дальних пожаров пред нами
В безмолвных останках домов — Киркенес.

И вслед за последним раскатом орудий
По выступам скал изможденные люди
Спускаются к нам через пламя и чад.
«Маринен, маринен!» — норвежцы кричат.

И видел я:
В город, сожженный дотла,
Без песни, в слезах
С ними Сольвейг вошла...

ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ!

Уж так на флоте повелось:
Когда с друзьями все мы в сборе,
То самый, самый лучший тост
У нас такой:
«За тех, кто в море!»

За тех, кто в этот день и час
Не за одним столом, не с нами,
К кому приходит шторм,
Стучась
В борта чугунными волнами.

За тех, кто день, и два, и пять
Идет на тральщике в дозоре,
О ком не совестно сказать:
«Наш тост за них, —
За тех, кто в море!»

За тех, кто вышел в океан,
Кто в Черном, в Баренцевом, в Белом
Пробьется сквозь любой буран,
Везде пройдет в порыве смелом.

За тех, кто, может, не придет...
Но если вновь к причалу станет,
То добрым словом в свой черед
Ушедших в плаванье вспомнит.

Когда ж придет походный час,
И станут дни и ночи жарки,
Мы знаем, кто-то и за нас
Поднимет дружеские чарки.

От мысли этой нам теплей.
И где бы ни был ты в просторе —
У моряка полно друзей,
А тост друзей:
«За тех, кто в море!».

БАЛЛАДА О БАЛТИЙСКОМ КОРАБЛЕ

*Памяти моего линкора
«Октябрьская революция»*

Скупыми фразами, без жалости,
Под шелест первых внешних трав
Друзья сказали, что по старости
Линкор мой послан в переплав.

Давно я не был в историческом
Балтийском дорогом краю,
Где по дорогам романтическим
Тревожил молодость свою.

Но я его увидел сызнова
Таким, каким в душе унес,—
С волной характера капризного,
С ветрами, бьющими до слез.

Я вспомнил миг незабываемый,
Когда, как айсберг в час ночной,
Огромный, призрачный, неизвестный,
Линкор предстал передо мной.

Никто моей не слышал жалобы,
Когда, за крюк стальной держась,
У праволазаретной палубы
Вязал я койку в первый раз;

Когда, доверясь морю чистому,
Но все еще как будто краб,
Я проползал, дрожа, по «выстрелу»,
Хватаясь жадно за штормтрап.

И, в первый раз уйдя из гавани,
Я, как живому, говорил:
«Линкор, открыв морское плаванье,
Ты в жизнь мне плаванье открыл».

А он играл с волною бешеной,
И хоть свирепый вихрь крепчал,
Но в койке, высоко подвешенной,
Успокоительно качал.

Он стал отцом родным и матерью,
Водой соленой окрестил
И всю линкоровскую братию
В семью единую сплотил.

Он мне шептал свое сказание,
Как здесь в пятнадцатом году
Матросы вышли на восстание
У всей России на виду.

Их кандалы потом стозвонными
Громами плыли над землей.
Но час явился грозовой:
Огнями революционными
Октябрь пылал над всей страной...

Не день, не два — мы годы долгие
Служили не на берегу.
И думал в годы те о долге я
И не был, кажется, в долгу.

И на пороге долгосрочного,
Свой чемоданчик подхватив,
Не к дому —
Как из дома отчего,
Я шел с оглядкой на залив.

Да что пред ним домишки куцые,
Когда, как флагман, впереди,
Линкор нес имя Революции
На бронированной груди!

А после, в месяцы блокадные,
Как богатырский часовой,
Глядел он в ночи непроглядные
Над застывающей Невой;

И, вздев двенадцатидюймовые,
Как мститель города-бойца,
Метал он молнии багровые,
Врагов сжигая до конца.

А в час Победы шел натруженный,
Чуть поднимаясь на волнах,
И гордо нес в боях заслуженный
Морской Краснознаменный флаг...

И вот на рейдах больше нет его.
И словно все кипит во мне:
Я вижу — в буре пепла светлого
Надстройки корчатся в огне;

Вот мачта, строгая красавица,
В последний ринувшись полет,
В такой жаре мартена плавится,
Что слезы огненные льет.

Прощай, линкор, броня могучая!
Остался мне лишь ленты шелк.
Ты воды все прошел кипучие,
Огни горючие прошел.

С какой-то силою стремительной
Ты сталью вылился в ковши,
Тебе, как в сказке удивительной,
Шепнули жаркое: «Дыши!»

Через вальцы пройдя с шипением,
Ты лег, прокатанный в листы,
И вновь явился к нам свершением
Большой конструкторской мечты,—

Над Тихим взмыл и Атлантическим,
Чтоб за миры (не за моря!)
В ракетном плаванье космическом
Пронес ты имя Октября.

Но все равно, какие млечные
Ни покорил бы ты пути,
Я знаю, что во веки вечные
Моей печали не уйти;

Что не прощу расправу скорую,
Что вижу твой я пьедестал,
Где с легендарною «Авророй»
И ты б на невских водах стал:

Пусть мачта в облаках качается —
Ты вновь уходишь от земли.
И жизнь героев не кончается,
А там, где флаг морской взвивается,
Жить
Остаются
Корабли!

ЧЕРЕМУХА

К. С. Мамаевой

Еще на небе зорька не пылала,
Не поднималась на работу мать,
А я уже украдкой шел, бывало,
В чужих садах черемуху ломать.

Я с нею ездил для продажи в город.
И утром, по дороге на вокзал,
Я каждый раз цветов тех майских ворох
В окно любимой девочке бросал.

А вечером, когда уже темнело,
Я брал в кино билеты.
И тогда
Та девочка мне молча пальцы грела,
Которым было холодно всегда.

И мы героем фильма любовались.
А я билеты брал в последний ряд,
Чтоб чей-то нас не обнаружил взгляд,
И мы еще тихонько целовались.

А после в переулочках знакомых
Клялись дружить и целовались вновь.
Для нас над белою волной черемух
Вздыхала парус
Первая любовь...

Опять весна бушует над поселком.
Черемуховый вновь плывет настой.
Подобно мелким солнечным осколкам,
Блестят цветы, умытые росой.

Но для меня как будто стужей зимней
То вешнее цветенье сметено.
И некуда
Черемуху везти мне
И некому
Бросать ее в окно.

РЫБКА ЗОЛОТАЯ

Я иду на озеро, мечтая,
Что как, разблеставшись на волне,
Хоть однажды рыбка золотая
Тут на счастье встретилась бы мне.

Я ее ловить не стану в сети
И в ведро не положу на дно,
Ну, а только, ласково приветив,
Пожеланье выскажу одно:

Сделай так, чтоб было все как прежде,
В день, когда на этом берегу
Мы сидели в счастье и надежде...
А она ответит: «Не могу...»

Скажет: «Времена пришли крутые,
Загрязнили глубь озер и рек.
Потому и рыбки золотые
Вроде позолоченных в наш век;

Потому чудес как не бывало.
Где мои волшебные труды?
Я моря в пустынях создавала,
А сейчас беги хоть от воды...»

Я глаза от жалости закрою,
Постою в раздумье над волной —
Что мне делать со своей бедою?
Как помочь мне рыбке золотой?

КОМПАС

Из края айсбергов хрустальных,
У северных угрюмых скал
Под грохот бурь десятибалльных
Когда-то я тебе писал:

«На компас маленький взгляни ты,
И станет радостней, поверь —
Укажет стрелочка магнита
На Север, где твой друг теперь...»

За годом год вдали остался —
И так бывает иногда —
Лишь я из Арктики примчался,
Как ты уехала туда.

И нынче, чтоб во мгле туманной
Тебя представить хоть на миг,
Я в руки компас взял карманный
И к стрелке вздрогнувшей приник.

И лишь сейчас я понимаю,
Как был бесплоден мой совет:
Смотрю на компас и вздыхаю,
Но облегченья чувствам нет.

Когда ж с тобою встречу взглядом,
То окончательно пойму,
Что все прошло, мы снова рядом,
А компас просто ни к чему.

БАЛЛАДА О МАТРОССКОЙ МАТЕРИ

*Матери моей
Надежде Дмитриевне Флёровой*

Пришла печальная и строгая.
Не день, не два ее сюда
Везли железною дорогою
На Крайний Север поезда.

И, наконец дойдя до палубы,
Так сильно утомилась мать,
Что, кажется, сейчас упала бы,
Когда бы под руки не взять.

Закатное густело зарево,
Окутав скалы и залив,
И тихо, тихо разговаривал
С матросской матерью комдив.

«Вот так же, Марфа Никаноровна,
Закат пылал и в том бою,
Когда с товарищами поровну
Делил ваш сын судьбу свою.

Он, может быть, всю жизнь вынашивал
Мечту о подвиге своем.
Награду — орден сына вашего —
Мы вам сегодня отдаем...»

Нет, слез у матери не видели,
Наверно, выплакала их
Одна в лесной своей обители,
В уральских кручах снеговых.

И снова рану сердца трогая,
Перетерпевшая беду,
Спросила только:
«Как дорогу я
К могиле Ваниной найду?»

Комдив смотрел на мать растерянно,
Ей не решаясь объяснить,
Что нам обычаями велено
Матроса в море хоронить.

И тотчас травами душистыми
Пахнуло к нам из темноты —
Держала мать живые, чистые,
Слегка увядшие цветы.

И солнце будто бы остыло вдруг,
Упала темная скала:
Ведь мать к могиле сына милого
За много верст цветы везла.

...Наперекор порядкам принятым,
Едва опять взошла заря,
Эсминец шел к зыбям раскинутым
С матросской матерью в морь

Надолго, с небывалой силою,
Тот скорбный миг запечатлен,
Как над сыновнею могилою
Мать отдала
Земной поклон.

И там, где был давно отмерянным
Известный градус широты,
По океанским волнам вспененным
Поплыли яркие цветы.

Над необъятными просторами
Перед прозрачной кромкой льда
Они венками и узорами
Средь хмурых вод легли тогда.

Казалось, не цветы разбросаны
За темным бортом корабля,
А это утренними росами
Омыты русские поля.

И каждая росинка близкая,
Сверкающая бирюза,
Ее, казалось, материнская,
Сейчас пролитая слеза...

Шли в базу.
Завтра ли, сегодня ли,
Все знали, вновь дружить с волной.
И мы наутро якорь подняли,
Прощаясь с бухтою родной.

А у причала невысокого
Стояла, выйдя провожать,
Уже теперь не одинокая
И всех нас любящая мать.

И, глядя на море с тревогою
И боль и радость затая,
Сказала нам перед дорогою:
«Счастливым путь вам,
Сыновья...»

Залив стелился гладкой скатертью,
Но в море ждал кипящий вал.
И каждый расставался с матерью
И мамой тихо называл.

И в даль идя необозримую,
Где смелых бурям не сломать,
Он вспоминал свою родимую,
Свою,
Единственную мать;

И знал, что сколько миль ни пройдено,—
С ней вместе пройдено, вдвоем.
И не случайно нашу Родину
Мы тоже
Матерью
Зовем.

БЫЛЬ РОССИИ

Из утра свежего морозного,
Где правил дымчатый восход,
Во времена Ивана Грозного
Шагнул я вдруг под низкий свод.

И мне казалось, из-под купола
Церквушки древней
В этот час
Меня святая рать прощупала
Огнем иконописных глаз.

Как будто вновь запахло смутю,
И шла опричина окрест,
И кто-то ссорился с Малютою,
И кто-то, казнь свершая лютую,
Здесь целовал наутро крест;
Грозил живущим свод пугающий,
Но звал их колокольный звон...

Так было...
От икон сияющих
Бегу, бегу на воздух, вон.

И над полями, над курганами
Я слышу сказы, как народ
Здесь дрался насмерть с басурманами
Века —
Не месяц и не год;

Как прапрапрадед мой с Кутузовым
Прошел в избушку ту в Филях,
Чтоб лечь потом войскам французovým
На холодеющих полях.

И, может, в древней той обители
Я потому на миг притих,
Что стены церкви этой видели
Тех предков доблестных моих;

Что в бой звала она молебнами,
Иззолотя иконостас,
И что скрижалями хвалебными
Испещрена она сейчас.

И пусть тогда указом царственным
Была та церковь создана,
Ее в масштабе государственном
Хранит, как памятник, страна;

Как быть России нашей славную,
Ее несчастий и побед,
И как свидетельницу давнюю
И темных дней
И светлых лет.

ОГУРЦЫ

В каждом деле должен быть порядок
И частица собственной души.
Вот и в мире огуречных грядок —
Хочешь, хоть инструкции пиши:

«Чтобы были огурцы не горьки —
Знай рассадку, берегай ростки,
Грядки поливай всегда на зорьке
И не лей воды на лепестки...»

Надо мной инструкции не властны,
Я порой их просто не терплю.
И бывает, не на зорьке ясной,
А позднее грядку окроплю.

Правда, сорт рассады мне известен,
Но уверен я, всего важней,
Что участвую с природой вместе,
На паях
В рожденье овощей.

А «усы» ползут уже вдоль грядок,
Стебельки роняют желтый цвет,
И попробуй, как он свеж и сладок,
Первый плод, родившийся на свет.

Листья лопухие расправил,
Выглянул огурчик небольшой.
Да, растил его я не без правил,
Ну а главным образом —
С душой.

А бывает, что таить греха-то,
Правила, посмотришь, — образец,
А вот урожая маловато,
Не хрустит в зубах он,
Огурец.

Видно, за порядком повседневным
Надо помнить нам в конце концов
О тепле сердечном
И душевном,
Ну, хоть на примере
Огурцов...

ТРИЕДИНСТВО

Триединство времен ощущаю:
Предков чту,
Настоящим живу,
О грядущем
Не просто мечтаю —
Приближаю его наяву.

Знаю, в том его сила пребудет,
Что, творя настоящего суть,
Правнук
Предков своих не забудет,
К новым далям
Разведает путь.

* * *

А чудес-то не семь, а восемь,
И восьмое — природа сама:
В календарь ты посмотришь — осень,
А в окно поглядишь — зима.

Не собьешься тут с толку разве,
Если этакий оборот?
Не прошел и Октябрьский праздник —
В поле снег, как под Новый год.

Потому-то оно и вышло,
Что под снегом влажна земля,
Что вовсю зеленеет вишня,
Ветви снежные расстеля.

Даже дятел мой впал в ошибку
Ото всех от таких чудес,
И, настроив свой клюв, как скрипку,
Он совсем не туда залез:

Принял улицу за опушку,
И пошла у него пальба,
И долбит он, долбит верхушку...
Электрического столба!

СУДЬБА

Я и сейчас до боли сожалею —
Уж так судьба по жизни нас вела,—
Что ты всегда, всегда была моею
И — никогда моей ты не была.

Остались встречи, расставанья, даты,
Любовь такая — как высот гряда!
И словно бы со мной была всегда ты
И — не была со мною никогда.

Одно теперь скажу, припоминая,—
Хоть нет возврата к временам иным,—
Скажу, что был, да был твоим всегда я,
И — так и не был никогда твоим.

* * *

К. Д. Флёровой

Такое небо синекрылое,
Такое чистое оно,
Что вот и нам бы тоже, милая,
Стереть давнишнее пятно;

Забыть обиды все и горести
И, вспомнив счастье первых лет,
Прожить последние по совести
И верить: лучшей жизни нет!

ЛАБИРИНТЫ

Мне очень часто снятся лабиринты
В различных видах — вот как будто дом,
И вот проходишь по нему один ты,
Из комнат выбираешься с трудом;

И снова в эти комнаты приходишь
И вновь бежишь на волю ты скорей,
На улицу бы выйти, только вроде
Все комнаты — ни окон, ни дверей;

А то приснятся лестницы в подъезде:
Спускаешься, избегаешь — все одно:
Нет выхода, во мраке ты и в бездне,
Конец приходит. Все предрешено...

В поту проснешься, точно из глубин ты
Вдруг вырвался: ну, кажется, живу!

Добро бы только снились лабиринты,
А то еще их пропасть наяву.

СМЕРТЬ ЛЕСНИКА

До сих пор покрыто это тайной.
Так в нее никто и не проник.
Ходит слух, что смертью неслучайной
Умер молодой еще лесник.

По колхозным подмосковным селам
Жители довольны были им,
Знали его дельным и веселым,
Подлинным хозяином лесным.

Не нарубишь у него дровишек,
Да с оглядкой веники ломай,
Если сухостой какой, излишек —
Так и то
К объездчику ступай.

Может, вот и был он с кем не в меру,
По закону действуя, суров.
Мало ли еще их, браконьеров,
Или, скажем попросту, воров?

Может, кто со злости и прицелься,
Может, кто ножом под левый бок,
А потом убитого
На рельсы,
Заметая след свой, поволок...

Так ли, нет, но в дымке просмоленной,
Перед юным строем сосняка,
Проводник последнего вагона
Увидал на рельсах
Лесника.
Он лежал лицом к родному лесу,
Точно с ним прощался в смертный час,
И березки ближние
Завесу
Опустили, низко поклонясь;

И ромашки головы нагнули
По краям тропинок и дорог,
И стояли ели
В карауле,
Вспомнив, как всегда он их стерег.

Молодой дубок листвою новой
Как-то неожиданно поник:
Он-то знает, как его, больного,
Выходил в тот знойный год лесник.

Сколько сберегал он их, лелея,
Лиственниц, и елей, и берез!
Вот уж на ветру шумит аллея:
Он когда-то саженцы принес.

Вот уж и сосняк его, нетронут,
Вырос в настоящую красу.
А на море где-то мачты стонут,
Вспомнив жизнь на воле, жизнь в лесу.

Все его здесь —
Каждая отметка,

Каждая тропа и деревцо,
Потому с такою грустью ветка,
Наклонясь,
Глядит ему в лицо.

И лежит последняя дорога
Через лес у приозерных ив,
Где стоял он часто,
Глядя строго
И к плечу двустволку прислонив.

И еще не раз в краю сосновом,
Где тропинка хвойная мягка,
Люди и деревья
Добрым словом,
Добрым делом
Вспомнят лесника.

ДЯТЕЛ

Всякий раз,
Как только в лес войду я,
Днем, под вечер или поутру,
Слышу:
Дятел, будто негодуя,
Все долбит сосновую кору.

Долго ль завестись в лесу напасти?
Ест деревья тля,
А то жучок.
Дятел, он мастак по этой части:
Молоточком-клювом «чок, чок, чок» —

И освободил грудную клетку,
Чтобы легче дереву дышать.
И сосенке легче,
Вскинет ветку,
Дятел отлетит.
К чему мешать?

Он годами тут усилия тратил —
Сосны высоки, чисты, стройны,
Мой приятель,
Работяга-дятел,
Комендант зеленой стороны.

В черно-сером,
В красном оперенье,
Поглядишь —
Да он прирос к стволу.
День-деньской работе и цветенью
Воздаёт великую хвалу.

Добрый друг, заботливая птица,
Охранитель всей страны лесной,
Помогает дереву куститься,
И цвести, и молодеть весной...

Я вот словом, будто молоточком,
Тоже не устал ещё стучать.
Трудно мысли разложить по строчкам,
А ведь строчки просятся в печать.

И ведь много всяческой напасти:
Там бюрократическая тля
Без причины рвет тебя на части,
Сто бумажек заполнять веля;

Там вокруг начальства смрадной тучей
Вьется в услуженье мошकारа;
Как ее, скажи, на этот случай
Не поддеть на острие пера?

Там, посмотришь,
Присосался прочно
Со своей халтурою
Жучок.
Вот и рифмоплетствует построчно...

Знаешь, дятел, постучим, дружок!
Постучим с тобою веселее,
Труд такой всегда у нас в чести.
Знаю: сил в работе не жалея,
Мы поможем
Дереву
Цвести!

ГРАЧИ

Кричат грачи, весь день кричат грачи.
Так надоели — впору сам кричи.
Но я смирился с ними.

А потом
Подумал как-то я еще о том,
Что потому грачи сейчас кричат,
Что выпускают в жизнь своих грачат,
Что рады крыльям, высоте, теплу,
И зря на них я возвожу хулу:
Ведь сам я, не завидуя грачу,
В полет хочу
И знаю: полечу!

И пусть вы надоели, хоть кричи,
Летите вы, шумите вы, грачи,
Кружите стаей и в конце концов
Растите ваших черненьких птенцов,
Чтобы опять в такую же страду
Я их увидел в будущем году
Взрастившими уже своих грачат...

Пускай они,
Пускай они
Кричат!

ВРАГИ — ПОЭЗИЯ И МОДА

Враги — поэзия и мода.
Удел поэзии велик.
И в ней с уродством Квазимодо
Живет Мадонны чистый лик.

И ты, поэт, себя не мучай:
В угоду моде дилетант
Тебя ругнул — так это случай.
Твой стих не случай, а талант.

А поэтические бонзы
Клянут и гения слегка,
Но в нем, изваянном из бронзы,
Живое сердце на века.

Истлеют вестники «погоды»,
Но в мире не померкнет свет.
Поэзия превыше моды,
И с веком наравне поэт.

КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ

От юных лет с морями связаны,
Им флотской верностью верны,
Им вечной славой обязаны,
Мы слышим каждый вздох волны.

Расставшись с кнехтами причальными,
Как оттолкнувшись от земли,
На кораблях путями дальними
В любую непогоду мы шли.

Но в бурях лет менялись плаванья,
Всегда послушные рулю:
Иные открывают гавани
Простор иному кораблю.

И не от кнехта от причального,
А прямо от земли родной
Взмыл
В бездну шторма многобалльного
Корабль над призрачной волной.

Пусть курс, проверенный расчетами,
Ему на деле незнаком,—
Блестят созвездья мателотами,
Земля сигналил маяком.

Да будет хватка дерзновенная
Вести в космической дали,—
Плывут, плывут к тебе,
Вселенная,
Советской марки корабли.

На основание высших прав они,
Маршруты новые творя,
Придут в твои большие гавани
Литые бросить якоря.

СЛЁТОК

И несмыслен еще и кроток,
Вспорхнув несмело с высоты,
Упал комочком серым слёток
На придорожные кусты.

Он целый день дрожал под ливнем,
И целый день отец и мать
Знакомым пением призывным
Его старались занимать.

Кормили и оберегали,
Давали разных червяков,
Чтоб в первый раз взметнувшись в дали,
Летел птенец до облаков.

И день прошел.
А на закате,
Отдав полету весь свой пыл,
Он из родительских объятий
Самостоятельно вспарил.
Он пролетел гнездо родное,
Лишь глянул на отца и мать...

Есть крылья —
Значит, нет покоя,
Их надо выше поднимать!

* * *

Незнакомые девушки «Здравствуйте!» мне говорят.
«Кто такие они?» — удивленный бросаю я взгляд.
Что-то в лицах знакомое, хоть это было давно,
Будто воспоминание только осталось одно.

Отвечаю им: «Здравствуйте!» — и понимаю я вдруг:
Эти милые девочки — дочери школьных подруг,
Нынче встреча у них восемнадцатой, может, весны.
А для нас это дальше, чем все улетевшие сны.

Я не очень-то добр — мол, живите и пойте за нас.
Я бы сам ту весну с удовольствием встретил сейчас.
Повстречал бы ее и не отдал ее никому —
Лучше их ту весну я теперь и приму и пойму.

Только это несбыточно — вот уже рядом с весной
Нескончаемо осень все ходит и ходит за мной,
Хоть бегу от нее, потому что мне очень нужны
Все по-своему ясные краски закатной весны.

И спасибо вам, девушки, — в дымке исчезнувших лет
Вы напомнили юности неповторимый портрет.

До свидания, девушки,— пусть не смыкается круг:
Пусть вам дольше не встретятся
Взрослые дети подруг!

* * *

А я о березовом соке
Не песни бы разные пел,
А лучше бы вместе с березой
Я боль ее тоже терпел.

Ведь сок — это кровь ее тела —
Из раны течет и течет.
А знаешь ты, как она пела,
Как пела, листвою звенела,
Водила весной хоровод?!

Нет, право б, я песней не славил
Целебный березовый сок.
Вот взял кто-то нож к ней приставил
И белую грудь ей рассек,

Повел накалившимся оком,
Стаканчик поднес, засопел.
«Березовым соком, березовым соком...» —
Мотив немудрящий запел.

Один.
А прошли-то их тыщи.
И тыщи берез полегли.
И кто и с кого теперь взыщет
За то осквернение земли?

Но в песнях ли только все дело?
В березе ли только одной?
Послушай —
В лесах загудело,
Нарушен зеленый покой.

Тут зверь в человеческом обличье
К красе нашей лапы простер.
То гнезда разрушил он птичьи,
То клены повел на костер.

Да что там — служебной оравой
Идут, преступленьем горды:

То реки наполнят отравой,
То рощи сметут без нужды.

Прости, дорогая береза,
Но пусть, будто камня кусок,
У тех, кто для леса угроза,
Застрял бы он в горле, твой сок;

И пусть по закону громила
Сполна получил бы свое.
Природа нас всем одарила,
И нас-то она сотворила,
Чтоб стали защитой ее.

* * *

Я много лет об этом думаю,
О невернувшихся скорбя,
Что, может, кто-нибудь судьбу мою,
Что, верно, кто-нибудь беду мою
На фронте принял на себя;

Что это было мне назначено
Лежать на Муста-Тунтури,
Да кем-то вдруг переиначено
В час наступающей зари;

Мне быть убитому под миною
У деревушки Эльвенес,
Да кто-то будто бы лавиною
Рванулся ей наперерез.

Но если прав я в убеждении,
Что не во сне, а наяву
Пал кто-то за меня в сражении,—
То за кого-то я живу?!

Живу я, радуюсь, печалуюсь,
Иду дорогами борьбы
И, верно, потому не жалуюсь
На все превратности судьбы.

Но и того еще из памяти
Мне до кончины не стереть,
Что за кого-то в ратной замети
И я готов был умереть.

ДО ПОСЛЕДНЕГО МГНОВЕНЬЯ

Иду на ясный солнечный рассвет.
Уже звенят над всей округой птицы.
И хочется на грани поздних лет
Теплом и солнцем вволю насладиться.

Ну что ж, что годы тяжестью висят?
Не время ли совсем забыть об этом?
Ведь вот мой старый яблоневый сад
Опять весну встречает полным цветом.

Да что там сад — в нем сила от земли,
А ветви, что по осени спилили,
Пушай в последний раз, но — зацвели,
Листвой своей, как прежде, задымили.

А я иду; *Учись, — шепчу себе, —
Приглядывайся к матери-природе,
Отдай все силы жизни и борьбе,
Когда уже все силы на исходе.

До крайних дней крепи с ней связи нить,
Чтоб как деревья, этой связи звенья, —
Хоть горестно из жизни уходить, —
Цвести бы до последнего мгновенья*.

БУДУЩЕЕ

А если посмотреть, что там вдали,
Где поплывут степенны и негромки
К неведомым галактикам потомки,
Как мы сейчас всего за грань Земли;

А если помечтать, что в дальний час,
К тому же испытав еще волнение,
Они припомнят что-то и о нас,
Кто прорывал земное притяжение,

То...

Впрочем, что ж особенного в том?
Не в памяти о нас, конечно, дело,
А чтоб Земля по-прежнему летела
Своим давно назначенным путем.

А то ведь ей готовят путь иной.
Так пусть о нас и память бы остыла,
Но в будущем у всей Земли родной
Всегда бы это будущее было.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о современности	3
Баллада о флотском светильнике	4
Деревья на граните	6
Бушлат	7
Сольвейг	8
За тех, кто в море!	9
Баллада о балтийском корабле	10
Черемуха	13
Рыбка золотая	14
Компас	14
Баллада о матросской матери	15
Быль России	18
Огурцы	19
Триединство	20
«А чудес-то не семь, а восемь...»	20
Судьба	21
«Такое небо синекрылое...»	21
Лабиринты	22
Смерть лесника	22
Дятел	24
Грачи	25
Враги — поэзия и мода	26
Космические корабли	27
Слёток	27
«Незнакомые девушки «Здравствуйте!» мне говорят...»	28
«А я о березовом соке...»	29
«Я много лет об этом думаю...»	30
До последнего мгновенья	31
Будущее	31

Николай Григорьевич Флёров

ЧЕРЕМУХА

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 13.12.82. Подписано к печати 22.03.83. А 00645.
Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,68. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 615. Заказ № 3637. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
«Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Страхование от несчастных случаев обеспечивает застрахованным получение материальной помощи при наступлении в их жизни неблагоприятных событий, оговоренных правилами страхования.

● Договоры страхования от несчастных случаев заключаются на срок от одного года до пяти лет.

● Заключить договор страхования от несчастных случаев могут граждане в возрасте от 16 лет, но не далее достижения ими 75-летнего возраста на момент окончания договора.

● Взнос за весь срок страхования уплачивается единовременно. Взнос можно уплатить путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы или наличными деньгами страховому агенту.

У в а ж а е м ы е т о в а р и щ и !

● Для заключения договора обращайтесь, пожалуйста, к страховому агенту, который обслуживает вас по месту жительства или по месту вашей работы, либо в инспекцию Госстраха.

Госстрах РСФСР